

ПРИЛОЗИ

**ЗА КЊИЖЕВНОСТ, ЈЕЗИК,
ИСТОРИЈУ И ФОЛКЛОР**

1975, књ. XLІ, св. 3-4.

ПОСЕБАН ОТИСАК

ВОСТОЧНО-ПРАВОСЛАВНАЯ ЛИТУРГИЯ В ВОСПРИЯТИИ НЕМЕЦКОГО ХРОНИСТА XV ВЕКА

19 февраля 1418 г. на Вселенский собор в расположенный в графстве Швабия на берегу Боденского озера город Констанц прибыла большая делегация западно-русской православной церкви во главе с митрополитом киевским Григорием Цамблаком (1415—1420). В составе делегации Цамблака находилось несколько епископов, священники и монахи от монастырей и городов южной и западной Руси, входивших тогда в состав Великого княжества Литовского. Григорий Цамблак прибыл с важной церковно-политической миссией и имел полномочия не только от великого князя литовского Витовта, но и от своей митрополии и Константинопольского патриарха¹.

Рано утром 19 февраля 1418 г. навстречу посольству Цамблака выехал к городским воротам протектор собора император Священной Римской империи Сигизмунд I со своей свитой, а также поляки и литовцы, ранее прибывшие в Констанц, и представители папы. Всех поразили необычные и великолепные одежды русских, а также их длинные бороды и покрытые оспинами лица. Цамблака и его спутников поселили в гостинице Ульриха Имхольца „У солнца“, на Верхнем рынке. Вскоре по прибытии в гостиницу Цамблак поручил одному из своих епископов приготовить все для совершения богослужения. В большой зале был устроен походный алтарь по восточно-православному обряду. Там собралось более 300 православных: русских, болгар, сербов, молдаван, влахов и греков, принимавших участие в работе собора, в том числе два князя: Федор Юрьевич Смоленский и из Червонной Руси. Митрополит пригласил присутствовать на богослужении также и католика: доктора теологии из Праги Маврикию Рвачке, папского духовника и переводчика русского посольства. А последний взял с собой

¹ A. Prochaska, *Dążenia do unii cerkiewnej za Jagiellły*, Przegląd powszechny, Warszawa, 1896, rocz. XII, zes. 6, s. 329—357, zes. 7, s. 42—64. — A. Lewicki, *Sprawa unii kościelnej za Jagiellom*, „Kwartalnik historyczny“, Lwów, 1897, rocz. XI, zes. 1, s. 310—337. — А.И. Яцимирский, *Григорий Цамблак, Очерк его жизни, административной и книжной деятельности*, СПб., 1904, стр. 190 и 208. — H. Likowski, *Kwestia unii kościoła wschodniego z zachodnim na soborze Konstanckim*, „Przegląd kościelny“, Poznań, 1905, t. 8, zes. 4, s. 510—519, 1906, t. 9, zes. 1, s. 7—20, zes. 3, s. 168—186. — Ю. К. Бегунов, 1) *Гербый на Григорий Цамблак*, „Език и литература“, 1973, No 4, стр. 66—71; 2) *Древний герб Болгарии и „Хроника Констянцуского собора“ Ульриха Рухенйяля*, „Советское славноведение“, 1974, No 2, стр. 59—63, тоже с доп. см.: „Исторически преглед“, 1974, No 6.

письмоводителя собора и епископского нотариуса г. Констанца Ульриха Рихенталя. Рихенталь подробно описал на страницах своей *Хроники Констанцского собора* все, что увидел². Таким образом, мы имеем подлинную запись 1418 г. на средне-немецком языке. Вот что в ней говорится:

„Die mess und der altar warent also, als ich Uolrich Richental selbs hab gesehen und ain doctor in theologia, dem es der ertzbischoff erlopt hett, zu sehen. Den batt ich, das er mich mit im nem, das tett och er. Und also beratend sy den altar als unsser pffaffen. Und uff dem altar stünd ain guldin crütz enmitten, und uff ietweder siten ain güldin, vierschroters täfelin, als ob hailtumb darin solte ligen und vier brinnend kertzen uff vier silbrinen, vergülten kertzstalen. Und satzend ain silbrin vergülten kelch och daruff, der wol als gross was, als unsser kelch dry und leitend über den kelch ain dry eggoten steg, der was bogen und uff den steg ain güt güldin tûch, das was als wyt und als brait, als ain halby elen. Der kelch was il mässig. Nebend den kelch leitend sy ain vergülte baten, die wol als gross was, das man wol ain versotten hûn darruf geleit hett. Und daruff och ain guldin tûch als da vor. Zu der rechten hand staltind sy zway güldini empeli. Die warent ettwas hoch, aber minder dann unsser pffaffen empeli. Da was in dem ainem win oder bier ald mett, das weiss ich nit aigentlich; es was aber warm: in dem andern wasser und nebend den altar, uff den sitz in dem bayen, staltend sy zwe silbrini schüsslen, iegliche als gross, das man sin gesotten hûn wol darinn möcht gelegen (sin). Und in ieglicher schüssel lag ain wisses brott, das ainer funst gross was. Und lag under der schüssel ein wisses zwâhel mit gold gesprengt. Vor dem altar zû der rechten siten was ain güldin tûch an die mur gehenkt und das ander lag an der erd.

Служба и алтарь были такими, какими я, Ульрих Рихенталь, сам ее видел, а также некто доктор теологии, которому архиепископ разрешил смотреть. Оного я попросил, чтобы он меня взял с собой, он и исполнил. И так они приготавливали алтарь, как и наши попы. А на алтаре, в середине, стоял золотой крест и на каждой стороне — золотой четырехугольный столик, как будто бы там должны были лежать святые дары, и четыре горящие свечи в четырех серебрянных позолоченных подсвечниках. И поставили на него серебрянную позолоченную чашу, которая, наверное, была больше, чем три наших чаши. И положили на сосуд треугольную дорожку, которая была серебряной и изогнутой, и на этой дорожке — добрую золотую ткань, которая была по длине и ширине в поллоктя. Чаша была величиной в два локтя. Возле чаши положили они позолоченный поднос, который был таким большим, что на него, наверное, можно было положить жареную курицу. И на него — также золотой плат, как и тот, о котором говорилось ранее. По правую руку поставили они две золотые кружки. Они были довольно высоки, но меньше, чем кружки у наших попов. В одной было вино или выдержанный медовый напиток, этого я точно не знаю, но оно было теплым, в другой кружке — вода. И около алтаря, у оконного отверстия, поставили они два серебрянных блюда, таких больших, что на них, наверное, можно было положить жареную кури-

² Научное издание текста „Хроники“ по Олендорфскому кодексу 1438—1450 гг. см.: *Ulrichs von Richental Chronik des Constanzer Concils 1414 bis 1418*, Hrsgb. von M.R. Buck, Tübingen, 1882 (Litterarische Vereins. Publ. N 158).

Und oben enbor ob dem altar lach och ain güldin tûch und vast hinden, da der ertzbischoff stünd, och ain güldin tûch und uff dem tûch ain langer stûl, och bedekt mit ainem güldinen tûch und obnen nebend zû, zû der rechten hand und hinden, waren och güldine tücher gehenkt. Da knüwt und stünd der ertzbischoff, sin caplan und zwen herzogen von Kriechen. Der hertzog uss Schmolentzgi, der hertzog uss Roten Rüssen und sust more dann iii hundert irs glouben. Do nun also diss berait ward, do nam der priester und leit ain überrök an. Und das rouch vass nam er in sin hand, der ewangelier och ain überrök, ud (der) letzgner leit och ain überrök an. Und der letzgner nam den wickessel und giengend all dry für den altar und knüwotend nider und machot ieglicher dry crütz vor im, das was also. Er graiff mit drin fingern mit der rechten hand an die stirnen und zoch die finger uff die rechten und uff die linggen achsslen. Und der crütz machend sy gar vil in der mess. Do nam der ewangelier und sprangt gar vil ain klain (wichwasser) uff den altar. Und nam den wadel von im der letzgner, der trug den wadel und den kessel hinweg. Darnach do ging der priester zu dem altar und kuchet daruff und rouchet das allenthalben und gieng mit dem roch hindersich zu dem ertzbischoff und rouchet inn und alle die, so dann by im warent, und mich och, und hanckt den rouch zu der linggen siten und leit über das überrök ain alb an, und vornan von der hand untz an die elenbogen zwen kostlich güldin ermel, angebunden mit sidinen schnuren, und ain umler und hant das har hinden heruss. Und darnach den messachel, der was glich als ain glogg von dem hals biss uff die fusse. Wenn er die hend bruchen wolt, so musst er den messachel uff die arm namen. Darnach gingen sy für den altar und nament vor dem altar ain venie, das was also sy leitend das hopt uff ire hend und buck-

цу. И на каждом из блюд лежал белый хлеб, каждый величиной в кулак. И под блюдами лежала белая льняная ткань, вышитая золотом. Перед алтарем на правй стороне был повешен на стену золотой плат, а другой лежал на полу. И наверху на алтаре также лежал золотой плат и почти позади, где стоял архиепископ, — также золотой плат, и на плате этом — длинный стул, также покрытый золотой тканью, и наверху, рядом, по правую руку, и позади, также были развешаны золотые ткани. И там, стоял на коленях и на ногах архиепископ и его келейник и два князя греков: князь из Смоленска, князь из Красной Руси, вобщем, более, чем три сотни их единоверцев. Когда это было приготовлено, священник взял и надел верхнюю одежду. И взял он в свою руку кадило, дьякон — также одну одежду, и последний также надел одну одежду. И последний взял сосуд со святой водой и пошли они трое к алтарю, преклонили колени и сделали каждый три крестных знамения перед ним. Так это было. Каждый поднес три пальца правой руки ко лбу опустил пальцы на грудь и на правое и левое плечо. И крестились они часто во время службы. Затем дьякон брал и кропил очень часто понемногу алтарь. И взял от него кисть третий священник и унес кисть и сосуд прочь. Затем священник подошел к алтарю и тихо пошептал над ним и кадил во все стороны, и подошел, держа позади себя, к архиепископу и окурил его и всех тех, кто был при нем и меня также, повесил кадило по левую сторону. И надел на свою одежду подручник и впереди на локте два драгоценных золотых рукава, привязанных шелковым шнуром, орать и освободил назади волосы. И затем еще надел фелонь, которая была подобна колоколу от шеи до ног. Если ему надо было действовать руками, то он должен был

Darnach sungen sy aber all das pater noster und aber ayos und nam der priester das rouchfass und rouchet allenthalben über den altar. Und nam do darnach das grösser stuck brott und zerbrach das in zway und leit ains in den kelch. Das ander wider uff die baten und segnot aber. Und darnach nam der priester ain stuk ab der baten und gab das dem ewangelier. Der nam es in die linggen hand und beschloss die, und leit sy uff den altar und leit das hopt uff die hand. Dessglichen terf der priester mit dem andern stuk. Darnach aussend sy esusser der hand. Do nam der ewangelier und halt den kelch und nam der dritt mit dem loffel usser dem kelch und gabs dem priester. Der auss es uss dem loffel. Darnach do namen sy den win und wasser mit dem loffel uss dem kelch und trunken das usser dem loffel, das sy den kelch nit uff hubend. In dem do zerbrach der letzger die zway brotli zu klainen stuklin und brachtz dem ertzbischoff. Und nach dem segnen, do gab der ertzbischoff ieglichem layen, die dann da stundent, ain stuklin. Der nam es och in die linggen hand und tett als vor und auss es usser der hand. Das solt als vil betuten, als hie das wichwasser.

Dero messen hett er vil zu Costentz die wil und er da was. Ich hab sollich messen och vil anderswa gesehen, sy warend aber nit so kostlich, noch als demuttig, als die“.

Перед нами любопытное описание восточно-православной литургии первой четверти XV в. Очевидно, эта литургия совершалась по чину Иоанна Златоуста с проскомидией, литургиями оглашенных и верных. Однако немецкий хронист не различает ее частей. Он вообще обращает мало внимания на внешнюю сторону литургии, т.е., более всего на действия, чем на существо самого таинства. Его интересовали приготовления к службе, передвижения и действия служивших литургию, их одежды и т.п., более чем содержание таинства, его глубокий богословский смысл и значение. К тому же Рихенталь не знал церковнославянского языка и не мог понять, о чем пели и читали православ-

жени. И стояли все на ногах и на коленах, и снова пошел за алтарь. Затем все оно пропели „Отче наш“ и снова „Свят“ и затем священник взял кадило и окурил со всех сторон алтарь. И затем взял он большой кусок хлеба и разломил надвое и один кусок положил в чашу, а другой — снова на поднос и благословил его. И затем священник взял кусок с подноса и дал его евангелисту. Тот взял его в левую руку и сжал ее и положил ее на алтарь, и положил голову на руку. Тоже проделал священник с другим куском. Затем они съели их из руки. Потом евангелист взял чашу и держал ее в руках и взял третий ложкой из чаши и дал священнику. Тот съел это из ложки. Затем они взяли вино и воду ложкой из чаши и выпили это из ложки, пока они не осушили чашу. Потом последний разломил два хлеба на мелкие кусочки и поднес их архиепископу. И благословив их, архиепископ дал их каждому мирянину, которые там стояли, по кусочку. Каждый брал его также в левую руку и делал, как раньше, и съедал его из руки. Это должно было означать то же, что у нас принятие святой воды. Таких служб делал он в Констанце много, все время, пока он там был. Такие службы я видел и в других местах, однако они не были такими богатыми, ни такими обстоятельными, как эта“.³

³ Там же, стр. 138—141.

ные. Правда, иногда, он мог обращаться к стоявшему рядом Маврикию и тот тогда давал ему шепотом краткие пояснения. Очевидно, что впечатление от службы были записаны Рихенталем позднее по памяти, потому чин литургии передан сбивчиво. Слишком много внимания уделяется описанию приготовления к службе: устройству престола и освящению помещения с каждением. Не совсем ясно, при чем здесь четыре горящих свечи по сторонам четырех-угольного золотого стола (жертвенника?). Рихенталь вовсе не упоминает о важнейшей части престола — антиминсе, на котором должно быть положено Евангелие. Не разглядел он и звездицу (две сложенные крестообразно дуги) с покровцами, которая должна стоять на дискозе („и положили на сосуд треугольную дорожку, которая была серебрянной и изогнутой, и на этой дорожке — добрую золотую ткань“). Орлец, т.е. коврик с изображением летящего над городом орла, который кладут под ноги епископу, не упомянут. Кафедра, употребляемая при архиерейском служении, также не упомянута: вместо нее говорится о коврике, который Рихенталь почему-то называет „золотым платом“ и замечает, что на нем был установлен длинный стул, на котором архиерей может сидеть во время определенных молитв в начале литургии. Совершение проскомидии начинается с того момента, когда священник вырезает копьём частицы хлеба, а чтец читает часы. Смешение воды и вина в потире совершается позже, т.е., не на проскомидии, а на литургии; Рихенталь, очевидно, спутал первое и второе приготовление причастия. Последовательность чтений и молитв чина литургии отмечена Рихенталем неправильно. Сбивчиво описано одно из самых ответственных действий литургии — „Великий вход“, когда служащие переносят с жертвенника на престол священные сосуды. Неточно говорится и о причащении священнослужителей святых тайн: дьякон берет часть агнца на ладонь, наклоняется к престолу, молится, а потом съедает; по чину первым причащается священник устами, прямо из чаши без помощи лжицы; дьякон причащается устами из чаши, которую держит священник; остатки святых даров потребляет дьякон на жертвеннике; после причащения всех священнослужителей архиерею подают запивку, а антидор раздается молящимся, которые получают его, целуя крест и руку священнику. Любопытно, что Рихенталь ничего не говорит о причащении мирян: они получают только антидор.

В другом месте своей *Хроники* Ульрих Рихенталь замечает следующее:

„Und nach der mess, do segnott er das brott, dasdem priester über worden was, da von er das sacrament nam und zerbrach das in klaine stukly und bot die stukly ieglichem sinen diener ains. Der nam das stuklin in sin lingen hand und beschloss die hand und bettot kundwend mit dem mund uff der hand und auss das usser der hand. Das was als

„И после службы он (т.е. Григорий Цамблак — Ю.Б.) благословил хлеб, который у священника остался, от которого он взял святыню, затем он взял эту святыню и разломил ее на маленькие кусочки, и давал кусочки каждому из своей свиты. Те брали кусочек в левую руку и сжимали ладонь, и молились на коленях, наклонившись к

Заключительное замечание немецкого хрониста о богатстве данной службы любопытно тем более, что литургия совершалась не в церкви, а в зале гостиницы. Здесь не было иконостаса и соответствующего церковного убранства. Тем не менее, служба произвела на немецкого хрониста сильное впечатление. Относительно обстоятельств службы мы не можем судить, так как описание не дает необходимой последовательности, а тексты чина у Рихенталя отсутствуют.

Тем не менее, Ульрих Рихенталь заслуживает благодарности за то, что оставил нам столь раннее в европейской исторической литературе восприятие восточно-православной литургии.

Заслуживает внимания и самый факт совершения постоянных православных богослужений во время XVI-го Вселенского собора католической церкви в Констанце в период с 19 февраля по конец апреля 1418 г. Разрешение православных богослужений было дано самим римским папою Мартином V, когда, по словам немецкого хрониста, многие „считают, что если бы Собор позволил им делать некоторые вещи, как они хотят, то они будут сговорчивыми и подчиняться святому престолу в Риме“⁶.

Надежды католического большинства собора на унию церквей не оправдались. Григорий Цамблак в конце февраля 1418 г. на аудиенции у папы Мартина V и в специальном Слове к Констанцскому собору предложил созвать новый собор о вере, на котором обе стороны могли бы обсудить достоинства и недостатки латинского католичества, и только после этого, может быть, прийти к соглашению. Это предложение папа не принял. Может быть, им были выдвинуты встречные предложения, которые оказались неприемлемыми для восточно-православной церкви. Во всяком случае, на заключительных 43—45 сессиях собора в марте-апреле 1418 г. вопрос об унии церквей не был включен в повестку дня: католической церкви, стоявшей на пороге реформации, было пока не до унии. Дипломатические демарши остались без ответа: могущественные светские и духовные государи Европы, недооценивавшие турецкую опасность, не желали из-за греков и балканских народов ввязаться в войну с еще пока далекими от них восточными завоевателями.

В заключении, хотелось бы отметить, что вопрос об отношении восточных славян, а также народов Балкан и Византии к Констанцскому собору исследован еще недостаточно, а текст „Хроники“ Рихенталя как исторического источника почти что не использовался современными историками восточной и юго-восточной Европы⁷. Между

⁶ *Ulrichs Richental Chronik des Constanzer Concils 1414 bis 1418*. Hrsgb. von M.R. Buck, S. 136.

⁷ В специальных источниковедческих работах А.Д. Люблинской и О.Л. Вайнштейна, *Хроника Ульриха Рихенталя* не упомянута. (А.Д. Люблинская, *Источниковедение истории средних веков*, Л., 1955; О.Л. Вайнштейн, *Западноевропейская средневековая историография*, М. — Л., 1964). Не использована она и в специальных работах, посвященных внешней политике Руси того времени (И.Б. Греков, *Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв.*, М., 1963; Б.Я. Рамм, *Панство и Русь в XI—XV вв.*, М.—Л., 1954).

тем, специальный интерес представило бы изучение деятельности восточно-православной делегации на Констанцском соборе в 1418 году⁸.

Юрий К. Бегунов